

ВСЕГО ДВЕ ВСТРЕЧИ

Перелистывая свои записи, я нахожу страницы, где говорится о человеке, сыгравшем немаловажную роль в моей творческой жизни.

Из наших встреч особенно запомнились две.

Год 1935, июль

В туманном вечернем сумраке морская бескрайняя даль сливалась воедино с темным куполом неба.

Машина неслась по горным извилистым дорогам Крымского побережья. Никто из нас за всю дорогу не проронил ни слова, чтобы не выдать волнения, все более нараставшего по мере приближения к Форосу. Мы торопились приехать туда в назначенное время: заместитель народного комиссара обороны — начальник Политуправления Красной Армии армейский комиссар 1 ранга Я. Б. Гамарник, отдыхавший в Крыму, выразил желание посмотреть фрагменты фильма «Мы из Кронштадта».

Почти год снимается картина, сначала на Балтике, в Кронштадте, а теперь на Черном море, в Севастополе. И все сделанное нами всякий раз подвергается критике. Нынешний просмотр отснятого материала может иметь двойное значение: или облегчит наше трудное положение, или, наоборот, усугубит его.

...Нас провели в небольшой зал, обрамленный колоннами. У стены был установлен передвижной кинопроекторный аппарат, на противоположной стороне висел полотняный прямоугольник экрана.

Прислонившись к одной из колонн, Ян Борисович беседовал с незнакомыми мне товарищами. Он был одет в легкий белый костюм. Я впервые видел Гамарника не в военной форме, а в штатском. Это сразу же придало нашей встрече, так сказать, неофициальный характер.

Поздоровавшись, Гамарник познакомил нас со своими собеседниками и, пригласив сесть, спросил:

— Устали, наверное? Работа у вас нелегкая, да и дорога в такую темень довольно утомительна.

Заметив мой озабоченный, нетерпеливый взгляд в сторону киноаппарата, где привезенную нами пленку уже заряжали для проекции, он положил руку мне на плечо и добавил:

— Не будем спешить. Отдохните, время у нас есть.

Теплота, с которой были сказаны эти слова, подействовала как нельзя лучше: мы немного успокоились.

— Как идут съемки? Когда предполагаете закончить свой фильм? — продолжал Ян Борисович.

Мы ответили. Последовал еще ряд вопросов: о бытовых условиях в нашей экспедиции, об обеспеченности постановки фильма всем необходимым, о помощи со стороны армейских и флотских работников, о съемках на студии других картин на оборонные темы.

Последний вопрос, видимо, весьма интересовал Гамарника — он подробно расспрашивал о каждом фильме, внимательно слушал наши пояснения, уточнял подробности. Потом, после небольшой паузы, заметил:

— Выпуск на экран хорошего оборонного фильма, пользующегося успехом у массового зрителя, равносителен выигранному сражению. Пример тому — «Чапаев».

Неторопливая беседа продолжалась. Мы чувствовали себя все лучше и непринужденнее. От тревожного волнения не осталось и следа. Казалось, что с нами говорит давно и близко знакомый человек.

Сейчас, по привычке записывая свои впечатления, я хочу осмыслить, почему возникло это ощущение. Оттого ли, что мы стеснялись поначалу, а потом освоились и стали чувствовать себя спокойнее? Или потому, что встреча рисовалась накануне как сугубо деловая, строго официальная? Пожалуй, все дело в том, что Ян Борисович, несомненно, умел понимать чувства людей, создавать безошибочно и быстро такой душевный контакт, при котором возникают добрые взаимоотношения.

Начался просмотр. Признаюсь, я не смотрел на экран. Мне хорошо были известны эти кадры и в данный момент важнее было понять, какое они производят впечатление. Я время от времени следил за выражением лица Гамар-

ника, по написал бы неправду, если бы сказал, что понимал его отношение к фрагментам фильма, видел реакцию на тот или иной эпизод. Он сидел в спокойной позе и внимательно смотрел на экран. Выражение его лица было непроницаемым.

Когда стали показывать кадры, изображающие атаку моряков, я замер. Причиной тому являлось одно существенное обстоятельство.

В этой сцене отряд крошадтских военморов, сражавшийся на побережье Балтики, попадает под сильный вражеский огонь. Матросы залегли. Но, поднятые командой комиссара, вновь двинулись плотной, развернутой цепью. С пением «Интернационала» героин-балтийцы шли под ураганным обстрелом, неудержимо приближаясь к окопам, где укрылись белые.

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке

